

ЛИТЕРАТУРА

**Всероссийская
олимпиада школьников**

9 класс

**II (муниципальный) этап
2024**

Уважаемые участники олимпиады! Вам предстоит выполнить предлагаемые задания. Время их выполнения – 6 академических часов (270 минут). Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание и критерии оценивания;
- обдумайте и сформулируйте ваш ответ;
- не забывайте, что единственно верного ответа нет – важно только, чтобы ответ соответствовал заданию и критериям, опирался на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;

- после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Максимальная суммарная оценка – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1 (аналитическое). Целостный анализ текста (поэтического или прозаического – по выбору участника олимпиады). (Установочные вопросы не требуют обязательного ответа. Выбор путей рассмотрения текста осуществляется участником олимпиады самостоятельно.)

Установочные вопросы.

Поэтический текст:

- 1) Какова ведущая тема стихотворения?
- 2) Можно ли считать, что в основу его композиции положен принцип антитезы?
- 3) Каковы основные черты образа И.А. Крылова, обозначенные поэтом?
- 4) К каким крыловским басням отсылает читателя автор стихотворения? Какой смысл в контексте стихотворения персонажи этих басен обретают?
- 5) Можно ли из данного произведения Майкова вывести какую-то «мораль», какую-то нравственную или читательскую установку?
- 6) Как следует понимать выражение «смеяться – но сквозь слез»?

Прозаический текст:

- 1) О чем этот рассказ Ю.М. Нагибина? 2) Является ли он произведением литературы «для детей»? Почему? 3) Убедительно ли представлено в нем поведение ребенка и воспитателей? 4) Насколько ярко изображены в рассказе характеры персонажей? 5) Можно ли считать данное произведение юмористическим? 6) Почему герой рассказа именуется только по фамилии? 7) Почему повествование в рассказе ведется не от третьего лица, а от первого? 8) Какую роль в произведении играет природное окружение? 9) Что можно сказать об авторе рассказа, исходя из текста произведения?

ТЕКСТЫ ДЛЯ АНАЛИЗА

Аполлон Николаевич
МАЙКОВ

К Р Ы Л О В

Когда стою в толпе средь городского сада
Пред этим образом, из бронзы отлитым,
И, к нам склонившись, и к малым, и к
большим,
С улыбкой доброю, с приветливостью
взгляда,
Он точно, с старческой неспешностью
речей,
Рассказывает нам, с своих высоких кресел,
Про нравы странные и глупости зверей,
И все смеются вокруг, и сам он тихо-весел, –
Мне часто кажется, что вот – толпа уйдет,
И ласковый старик впадет сейчас же в думу,
Улыбка кроткая с лица его спорхнет
 Вслед умолкающему шуму,
И лоб наморщится, и, покачав головой,
Проводит взглядом нас он строгим, и с
тоской

Промолвит: «Все-то вы, как посмотрю я,
дети!
Вот – побасёнками старик потешил вас,
Вы посмеялись и прочь пошли смеясь,
Того не угадав, как побасёнки эти
Достались старику, и как не раз пришлось
Ему, слагая их, смеяться – но сквозь слез,
Уж жало испытал ехидны ядовитой,
И когти всяческих, больших и малых, птиц,
 И язвины на пальцах от лисиц,
И на спине своей ослиное копыто...
И то, что в басенке является моей
Как шутка, – от того во времена былые
 Вся, может, плакала Россия,
Да плачет, может быть, еще и до сих дней!»

1868

ПРИМЕЧАНИЯ. Впервые стихотворение было прочитано А.Н. Майковым 3 февраля 1868 года на литературном вечере, приуроченном к 100-летию со дня рождения И.А. Крылова. ... *средь городского сада Пред этим образом, из бронзы отлитым...* – Имеется в виду памятник И.А. Крылову работы скульптора П.К. Клодта в Петербурге в Летнем саду. Цоколь памятника украшен изображениями персонажей басен.

КОМАРОВ

Когда облака наплывали на солнце, вода в заливе из голубовато-белесой становилась сизой с тусклым, свинцовым отсветом. Большой, гладко вылизанный волнами камень, торчавший метрах в пяти от берега, тоже темнел, и от него ложилась на воду бархатистая черная тень. Колеблемая волной тень то укорачивалась, то удлинялась, и мне стало казаться, будто у камня плещется черный тюлененок.

– Комаров, перестань! Слышишь, что тебе говорят, Комаров!

Уже не в первый раз звучал за моей спиной этот скрипучий женский голос. И всякий раз он призывал к порядку какого-то Комарова. «Беспокойный мужчина, – подумал я о Комарове. – Чего он там колобродит?» Но повернуться было лень, а к тому же посмерклось, и у большого камня вновь заиграл черный тюлененок. Видение обрело странную устойчивость: чем дольше я смотрел, тем труднее было представить, что это всего лишь клочок тьмы.

– Комаров, в последний раз говорю: оставь Рыжика в покое! – вновь проскрипело за моей спиной. – Встань, Комаров!

– А я ничего не делаю! – послышался сиповатый, недовольный голос.

Я оглянулся и уперся взглядом в пуп, похожий на отпечаток гривенника в песке. Неподалеку от меня стоял четырехлетний человек, совершенно голый, если не считать высокой белой панамы, лихо нахлобученной на одно ухо. Из-под панамы серьезно и чуть удивленно глядели два круглых бутылочного цвета глаза. Рожица у Комарова курносая, веснушчатая и самая продувная. Над Комаровым склонилась рослая, грузная женщина в зеленом шелковом платье. При малейшем ее движении жесткий шелк рассыпал сухой треск электрических разрядов. Позади воспитательницы, подставив солнцу спины с острыми уголками лопаток, лежали двадцать – двадцать пять сверстников Комарова.

– Ты зачем закладывал ногу на Рыжика! – негодуяще воскликнула воспитательница, и в лад ее скрипучему голосу рассыпались трескучие искры шелка.

– А чего он лежит, как мертвый! – отозвался Комаров.

– Зачем ты кидал песок в глаза товарищам?

– Кто кидал? Я его сеял. Это ветер.

Мудрая обоснованность ответов Комарова явно ставила в тупик воспитательницу.

– Тяжелый мальчик! – вздохнула она.

– Я не тяжелый, – возразил Комаров и похлопал себя по животу. – Я после обеда тяжелый.

Подошла молодая женщина в белом халате с повязкой медсестры на рукаве и молча показала на часы.

– Подъем! Подъем! – закричала воспитательница и, как клуша крыльями, замахала короткими полными руками, родив настоящую электрическую бурю. – Одеваться и строиться!

В воздухе послушно замелькали кусочки ситца – короткие ребячьи трусики, посыпался песок из сандалий, и вот уже первые пары чинно подравниваются в затылок, и только Комаров, голый и сумрачный, не притронулся к одежде.

– А купаться кто будет? – хмуро бормотнул он как бы про себя.

– Во всяком случае, не ты! – съязвила воспитательница, но, видимо зная, что от Комарова так просто не отделаться, сочла нужным добавить: – Врач запретил купаться: вода слишком холодная.

– Дети могут простудиться? – серьезно спросил Комаров.

– Хватит разговоров! Одевайся!

Комаров с ожесточением схватил трусики, но почему-то не надел их сразу, а сперва занял место в строю и лишь тогда, сделав из штанины кольцо, сунул в него ногу.

– Пошли!

Воспитательница хлопнула в ладоши, строй колыхнулся, двинулся и тут же пришел в замешательство. Писк, гам, волнение. Что случилось? Комаров споткнулся, повалил идущего впереди мальчика, тот в свою очередь опрокинул следующего. Воспитательница навела порядок. Новая команда – и новая свалка.

– Что с вами, дети?

– Комаров падает...

– Комаров, выйди из строя!

Комаров добросовестно пытается выполнить приказание, делает странный, укороченный шаг и падает на песок.

– Что с тобой, Комаров?

– Плохо мое дело, – сказал Комаров, поднялся, шагнул и вновь упал.

– Что это с ним? – В голосе воспитательницы отчаяние. – Неужели солнечный удар?

Товарищи Комарова очень довольны, они весело смеются, затем один из них говорит:

– Нина Павловна, он обе ноги в одну штанину сунул.

У воспитательницы, верно, никогда не было собственных детей. Она обескураженно смотрит на Комарова, точно не зная, как помочь беде, затем нагибается и неумело выпрастывает ногу Комарова из штанины.

– Зачем ты это сделал? – говорит она, распрямляясь.

– Так интересней, – спокойно и благожелательно поясняет Комаров и, вдруг осененный новой идеей, спрашивает: – Нина Павловна, а что такое человек?

– Не знаю! – раздраженно отмахнулась воспитательница, и я подумал, что она сказала правду.

Группа тронулась дальше и вскоре скрылась в прибрежном сосняке.

А через несколько дней я снова встретился с Комаровым. Я возвращался с моря по крутой песчаной улице. Вдоль правой ее стороны тянулась изгородь, дальше круто вверх забирал густой сосняк; по левую же сторону раскинулись пустыри войны, не обжитые до сих пор; они густо поросли папоротником и какими-то непривычного вида хвощами, едко пахнущими скипидаром.

И вот когда я поравнялся со штакетником, одна из планок его вдруг сдвинулась в сторону, в широкой щели показалась маленькая, иссеченная белыми травяными порезами нога в сандалии, затем панамка, похожая на поварской колпак, загорелая испачканная рука и, наконец, вся фигура моего пляжного знакомого. Он вылез, осмотрелся кругом – я почувствовал на себе его настороженный взгляд и сделал вид, что он меня несколько не занимает. Тогда он аккуратно поставил планку на прежнее место и залился долгим торжествующим смехом. Не было никаких сомнений: Комаров совершил побег.

Каюсь, я не взял Комарова за руку и не отвел его к воспитательнице. Улица была помечена знаками, запрещающими проезд, и Комарову ничто не грозило, к тому же и я был рядом. Правда, воспитательница переживет несколько неприятных минут, но... поделом ей.

Мне приходилось несколько раз в день проходить мимо этого детского сада, и я убедился, что здешняя воспитательница явно не в ладах с природой. Она не доверяла молодым колючим сосенкам, кустарнику, приютившему густую тень, дальним уголкам сада, заросшим дикой малиной и ежевикой. Из всей обширной территории сада она оставила своим питомцам лишь гладкий пятачок крокетной площадки. И стоило кому-нибудь из ребят в погоне за жуком или просто в порыве любознательности нарушить запретную зону, как испуганный окрик немедленно настигал беглеца.

Конечно, так ей было куда удобнее блюсти своих питомцев, но мне казалось, что она слишком упрощает себе задачу. «Пусть Комаров погуляет на воле, – решил я и предоставил ему свободу. – Что-то он станет делать?»

Внизу, по приморскому шоссе, звонко сигналив на поворотах, проносились легковые машины, грузовики, тяжело осевшие автобусы, отчаянно тарахтели мотоциклы, но Комарова, городского ребенка, не привлекали знакомые городские шумы. Не обратил он никакого внимания и на спускающихся с горы велосипедистов, которые, держась рукой за седло, бежали вдогонку за своими позванивающими на неровностях дороги велосипедами...

Комарова привлекал девственный мир, и он заковылял на бугор. Неожиданности подстерегали его здесь на каждом шагу. Вот он наступил на какую-то дощечку, и из под нее с упругим щелчком выскочила зеленая сосновая шишка. Пролетев метра полтора, шишка приземлилась на краю дорожки, под кустом таволги, чуть поворочалась и улеглась спокойно. Это была цельная крепенькая молодая шишка, верно, еще никогда не виденная Комаровым, потому что такие шишки прочно держатся на ветках, а по цвету неотличимы от хвои. К тому же она прыгала! Легким, крадущимся шагом Комаров приблизился к шишке и прихлопнул ее ладонью. Попалась! Он ощупал пальцами твердое ребристое тело шишки, но это не открыло ему тайны маленького зеленого кругляша.

– Ты разве умеешь прыгать? – спросил Комаров.

Не получив ответа, он решил испытать шишку: он положил ее на землю и отвернулся. Нет, шишка спокойно лежит на том же месте, она не делает ни малейшей попытки к бегству. Тогда Комаров зажал шишку в кулаке и в тот же миг увидел еще две такие же шишки под кустом таволги. Он хотел достать их и вдруг с болезненным криком отдернул руку: он острекался о крапиву, впутавшую свои колючие листья в ветку таволги. Комаров потер руку, полизал ее языком и вновь потянулся за шишками, внимательно следя за тем, откуда придет боль. Вот он коснулся цветка, отодвинул мягкий морщинистый лист, и тут неприметный колючий страж опять вонзил ему в руку свои шипы...

Но на этот раз Комаров только поморщился. Он подполз под куст, осторожно отделил стебель крапивы и смелым движением вырвал его из земли. Колючки разом смялись под сильной хваткой и уже не смогли впиться в кожу. Это было настоящее открытие, и теперь Комаров легко овладел шишками. Но все три не поместились у него в кулаке, и он схоронил одну шишку под лопухом. Размахивая крапивой, он побрел вверх по улице.

Ноги его разъезжались в песке, к тому же путь ему преграждали большие округлые валуны, торчащие из земли. Комарову пришлось огибать каждый валун. Когда же он попытался пройти по гладкой поверхности камня, то немедленно поскользнулся. Комаров

никому не давал спуска: он остановился и основательно высек камень крапивой. Не успел он закончить экзекуцию, как где-то наверху с отчаянным разливом промычал теленок. Комаров замер, затем, помогая себе руками, изо всех сил устремился вперед.

Примерно на половине подъема находился широкий уступ, справа он вдавался в сосняк, образуя небольшую поляну. Там пасся теленок, привязанный к сосновому пеньку. И вот посреди полянки встретились двое ребят: сын человеческий и рыжий младенец бычок.

Хотя Комарову было столько же лет, сколько теленку месяцев, они могли считаться ровесниками. Но теленок знал, кто такой Комаров, а Комаров не знал, кто такой теленок. Бычок смотрел на мальчика кротко и равнодушно. Комаров смотрел на бычка с изумлением, готовым перейти в пылкую любовь.

– Ты кто такой? – спросил Комаров.

Теленок молчал, шевеля мягкими губами и перекатывая во рту жвачку. Тогда Комаров ответил сам себе:

– Ты большая собака.

Он протянул руку, чтобы погладить «большую собаку», но теленку не хотелось, чтобы его гладили, а быть может, его испугал стебель крапивы в руке Комарова, напоминавший ему хворостину, какой хозяйка загоняла его во двор. Он попятился, натянул веревку, затем скакнул в сторону.

– Чего ты? – укоризненно сказал Комаров и шагнул к теленку.

Но тому надоело отступать, он опустил лобастую голову с мокрым от вечерней росы завитком и двумя шерстистыми вздутиями на месте будущих рогов, вытянул шею и с угрожающим видом двинулся на Комарова.

Лицо мальчика страдальчески скривилось: он совсем не хотел ссориться. Но было что-то в характере этого человечка, что не позволяло ему отступать перед опасностью. Он тоже выставил вперед голову с двумя светлыми буграми на чистом высоком лбу, зажмурил глаза и прежде, нежели я успел вмешаться, кинулся на теленка лоб в лоб. Теленок не принял боя. Валко отступив на своих прямых шатких ножках, он повернулся и кинулся прочь. Комаров с победным криком припустился вдогонку.

Веревка позволяла теленку бежать только по кругу, он бежал куда резвее Комарова и потому на втором круге увидел вдруг прямо перед собой спину своего преследователя. Комаров был в этот миг беззащитен, но теленок, вместо того чтоб использовать свое преимущество, окончательно пал духом и отказался бороться с противником, который мог одновременно преследовать его и сзади и спереди. Он понуро остановился, вздохнул глубоко и печально, как умеют вздыхать лишь взрослые быки, и, прилепнув губой длинную былинку, стал ждать решения своей участи.

Комарову пришлось проскакать целый круг, прежде чем он обнаружил, что враг приведен в покорность. Тогда он смело приблизился к теленку, похлопал его ладошкой по взмокшему боку, погладил его твердый, как камень, лоб, глаза под жесткими вздрагивающими ресничками, мягкий резиновый нос.

Теленок терпел все нежности победителя и только вздыхал.

– Что, боишься? – спросил Комаров, но этим ограничилась его месть, он даже добавил в утешение и поучение теленку: – Я тебя тоже боялся, а теперь не боюсь. – Он хитро прищурился: – А ты не большая собака. Не-ет! Ты маленькая коровка.

«Му-у!» – печально отозвался теленок, заверяя Комарова, что он никогда больше не будет притворяться строптивым.

– До свидания, – сказал Комаров.

Он снова вышел на дорогу и вдруг замер, чуть шатнувшись назад, будто наскочил на невидимую преграду. Я сразу понял, что поразило Комарова: он ненароком оказался лицом к подножию склона, где в бесконечной глубине бесшумно и грозно пенился прибой.

Зеленый коридор улицы острой стрелой летел в море. Сладкое, щемящее чувство высоты, пространства и полета пронзило мальчика. Он замахал руками, запрыгал, потом стал выкрикивать какие-то непонятные, как в детской считалке, слова, наконец запел без слов и мелодии...

И вдруг песня смолкла: Комаров, словно бессильный вместить всю мощь впечатлений, повернулся и быстро заковылял прочь... Лягушка, перескочившая ему дорогу, вернула Комарова к милой земной привычности. Он побежал за лягушкой и догнал ее у самой обочины. Когда тень мальчика накрыла лягушку, она замерла, выгнув спину. Комаров схватил ее и, повернув на спинку, стал рассматривать бледное брюшко. Он рассматривал долго, тыкал пальцем в упругую пленку. Верно, он искал комочек вара и стальной рычажок, с помощью которого скачет игрушечная лягушка. Но у этой живот был совсем гладкий, и Комаров задумался. Панама сползла ему на нос, но он не замечал этого, поглощенный новой загадкой жизни. Он чуть сжимал и разжимал ладонь и как будто к чему-то прислушивался. Лягушка не двигалась, ее длинные сухие ножки торчали из кулака мальчика двумя хворостинками, но, верно, все же его руке сообщился трепет жизни маленького тела.

– Живая! – засмеялся он и затем предложил с лукаво-восторженным выражением: – Давай водиться, а? Я тебя выпущу потом...

Лягушка не возражала и осталась в кулаке Комарова.

Теперь Комаров взглядом опытного следопыта обозрел окрестный мир. На высоком песчаном срезе обнажились корни сосен, тонкие корневые волоски шевелились на ветру, извивались, пуская струйки песка, и конечно же Комарову потребовалось выяснить, живые они или только притворяются, играют в одушевленную, самостоятельную жизнь. Вот он уже шагнул к песчаному срезу, но ему не суждено было провести это последнее исследование.

Со всех сторон, замыкая беглеца в железный круг, двигалась облава. Ведомые воспитательницей, шли ее младшие помощницы, нянечки, судомойки в белых фартуках, медсестра с красным крестом на рукаве и старик сторож в валенках.

– Вот он! – послышался крик, и с этим криком кончилась свобода Комарова.

Комаров не понимал, чего шумят все эти люди, чего так жалобно причитают. Он ощущал себя сильным и богатым, он хотел, чтобы всем было хорошо. И когда воспитательница приблизилась к нему, он широким, великодушным движением протянул ей всю свою добычу: стебель крапивы, две зеленые шишки и живую лягушку.

1962

ПРИМЕЧАНИЯ. *Гривенник* – десятикопеечная монета. *Таволга* – высокое медоносное растение с перистыми листьями. *Вар* – смолистое вещество.

ЗАДАНИЕ 2 (творческое).

Напишите эссе «Мой Пушкин».

У с т а н о в к и . В 2024 году исполнилось 225 лет со дня рождения А.С. Пушкина. Он для всех нас – общезначимая культурная величина. Но у каждого носителя русской культуры своя история общения с Пушкиным-писателем, Пушкиным-личностью, свой взгляд на сделанное им в литературе, свое отношение к событиям его жизни, к его произведениям и к персонажам этих произведений. Он – часть нашей духовной биографии, хотя что-то в нем может нас привлекать, а что-то не быть понятным и близким. Вот об этом, о ваших мыслях, переживаниях, о каких-то значимых для вас случаях, связанных с Пушкиным, и предлагается вам рассказать в своем эссе.

Примерный объем работы – 500 слов.